

Т. В. Костина

ВОСПИТАННИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ДЕРПТСКОМ ПРОФЕССОРСКОМ ИНСТИТУТЕ*

Профессорский институт, существовавший в Дерпте в 1828–1839 гг., представлял собой уникальное учреждение, где был осуществлен опыт массовой (22 выпускника) подготовки преподавателей для русских университетов. В институт дважды (в 1828 и 1833 г.) набирали «отличнейших студентов, могущих... сделаться со временем достойными занять кафедры»¹. В результате, в университеты в конце 1830-х годов вернулись после обучения в институте и за границей сложившиеся ученые: медики Ф. И. Иноземцев, Н. И. Пирогов и Г. И. Сокольский, математик П. И. Котельников, античники А. О. Валицкий и Д. Л. Крюков и многие другие.

К изучению деятельности института обращались еще дореволюционные исследователи Д. И. Багалей², С. В. Рождественский³, В. В. Григорьев⁴, упоминали о его деятельности С. П. Шевырев⁵ и др., рассматривая его как мероприятие Министерства народного просвещения и, соответственно, обращая внимание на возникновение идеи института и решение организационных вопросов. В советские годы долгое время ограничивались краткими упоминаниями о деятельности института⁶, которому было трудно дать идеологическую оценку: в концепцию противостояния научного сообщества и чиновников Министерства народного просвещения она не вписывалась. Но в 1980-е годы к истории Профессорского института обратился эстонский историк В. Э. Тамул, защитивший

* Статья подготовлена при поддержке проекта «Проблемы исторического регионоведения: история, этнология, археология» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (мероприятие 1.4). Государственный контракт № 14.740.11.1391 от 19 октября 2011.

в 1988 г. кандидатскую диссертацию на тему: «Профессорский институт и международные научные связи Тартуского университета в первой половине XIX в.» и опубликовавший ряд работ, посвященных Профессорскому институту⁷. Тамул, проведя серьезные архивные разыскания, раскрыл роль Профессорского института в развитии высшего образования и науки в России, рассматривая институт как яркий пример посредничества Тартуского (Дерптского) университета между российскими и западноевропейскими научными центрами.

После Тамула к дальнейшему изучению деятельности института на архивных документах отечественные исследователи обращались редко, а сама деятельность института продолжает упоминаться вскользь, в связи со становлением системы ученых степеней в России⁸, изучением подготовки ученых по определенной специальности⁹ или в контексте биографий отдельных воспитанников¹⁰. Исключением представляется работа Ф. А. Петрова, в которой подытожены известные в историографии данные об обучении питомцев Профессорского института¹¹.

До сих пор, однако, в деятельности института остается слабо раскрытой антропологическая проблематика. Учреждение, изученное институционально и с точки зрения истории науки, представляло собой совокупность педагогов и воспитанников. Важно понять, как они чувствовали себя, являясь частью «эффективно действующей модели подготовки специалистов в экстренном порядке»¹², как человеческие черты воспитанников института (способности, состояние здоровья, научные интересы и др.) отражались на результатах их подготовки. Это и является целью данной статьи, в которой для создания определенного необходимого для достижения поставленной цели фокуса исследования оно ограничено воспитанниками, предоставленными Профессорскому институту Санкт-Петербургским университетом из числа своих студентов.

Такое исследование невозможно произвести на основе анализа исследовательской литературы, оно предполагает непосредственное обращение к источникам, сохранившимся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) и Эстонском историческом архиве (ЕАА).

Санкт-Петербургский университет посылал воспитанников в оба набора Профессорского института. Оба раза выборы, произведенные в университете, имели свою специфику, по сравнению с остальными университетами России. В 1827 г., вслед за выходом в свет 14 октября постановления «По делу о приготовлении Профессоров», в котором были изложены основные принципы организации Профессорского института¹³, по указанию попечителя Петербургского учебного округа К. П. Бороздина

в университете были проведены многоступенчатые выборы. Профессора составили рекомендательные списки «об отличнейших студентах»; списки были рассмотрены и проверены на собрании факультета¹⁴; после чего совет университета признал достойными кандидатами на поступление в Профессорский институт студентов Петра Давыдовича Калмыкова (1808–1860), Михаила Семеновича Куторгу (1809–1886) и его брата Степана (1805–1861); Василия Ивановича Лапшина (1809–1888), Александра Ивановича Чивилева (1808–1867) и Павла Петровича Шкляревского (1806–1830). Еще два студента также были избраны советом, но отказались отправиться в Профессорский институт. Михаил Иващенко не поехал, так как «его удрученный старостью и давно уже лишившийся зрения отец, равно как и престарелая и часто болезнями изнуряемая мать, письмом своим извещая, что они от него ожидают помощи для поддержания их при глубокой старости и малолетних братьев и сестер его, не позволяют ему ехать в Дерпт и за границу». Яков Крупский, намеревавшийся заниматься правом, отказался «по причине непостоянного своего здоровья»¹⁵.

Из восьми избранных студентов только двое (Крупский и Чивилев) были на последнем, третьем курсе. Остальные оканчивали первый год обучения. По этому поводу совет университета рассудил: «По смыслу одного из требуемых условий, сих последних не надлежало бы допускать к выбору. Но как... студенты, назначаемые для отправления за границу, должны предварительно пробывать в Дерптском университете три года, то... можно надеяться, что они усовершенствуют себя в познаниях самым удовлетворительным для предназначения своего образом»¹⁶.

Другие университеты послали в Профессорский институт выпускников, кандидатов и даже магистров. Причины такого резкого отличия в подготовке тех, кого посылали другие университеты, и тех, кого прислал университет столичный, вероятно, крылись в том, что большинство выпускников Санкт-Петербургского университета имели большие возможности в устройстве на службу. Их отталкивала от Профессорского института перспектива «по окончании учения в Дерпте и за границую... прослужить в учебном ведомстве по крайней мере 12 лет, считая со времени, когда действительно займут кафедры в университете Московском, С.-Петербургском, Казанском или Харьковском»¹⁷. Соглашались на это условие те, кто действительно видел себя на преподавательском поприще и, в силу своего социального происхождения и материального положения, не предполагал для себя лучшей службы¹⁸. Другой причиной различия между опытом кандидатов от разных университетов стали опасения нестоличных университетов избирать студентов, так как по прибытии в Петербург все поступающие в Профессорский

институт должны были пройти испытания в Академии наук. При этом профессора отвечали своим жалованьем за прогонные деньги, истраченные на посылаемых ими на экзамен воспитанников¹⁹.

Участие Санкт-Петербургского университета в формировании второй партии стипендиатов Профессорского института менее известно²⁰. 16 марта 1833 г. было опубликовано постановление Министерства народного просвещения «О продолжении Профессорского института в Дерпте», получившее резолюцию Николая I «Профессорский Институт продолжить, и новых студентов вытребовать»²¹.

Совет Санкт-Петербургского университета затруднился с выбором студентов, сообщив, что 1) год назад университет снабдил белорусские училища 10 «самыми лучшими учителями», выбранными из казенных студентов, из-за чего на последнем курсе осталось менее 10-ти, которые должны были выдержать выпускной экзамен; 2) в Санкт-Петербургском округе «многие учительские места остаются праздными и требуют занятия» и, наконец, 3) университет имеет казенных студентов только по двум факультетам: историко-филологическому и физико-математическому, так как казенным выпускникам предстоит работать учителями, а юридические науки в гимназиях не преподаются²². По этим причинам совет просил «или вовсе удержаться от избрания студентов здешнего университета в Профессорский институт, или, по крайней мере, отсрочить оное до будущего в июне месяце годичного испытания. Сие последнее тем легче было бы допустить, что курсы в Дерптском университете, при котором учрежден Профессорский институт, начинаются не прежде 22 июля»²³. На отсрочку выборов было получено разрешение министра народного просвещения С. С. Уварова.

Для поступления в Профессорский институт от Санкт-Петербургского университета в октябре 1833 г. были избраны кандидаты историко-филологического факультета Федор Николаевич Фортунатов (1814–1872)²⁴ и Григорий Иванович Лапшин (1813–1884). Другие 4 стипендиата поступили из Харьковского университета. Позже к ним присоединились еще 3 воспитанника из Казани и самого Дерпта. Таким образом, за два набора в Профессорский институт Санкт-Петербургский университет предоставил 8 своих воспитанников.

Профессоранты в большинстве своем слушали три года курсы в Дерпте, затем сдавали экзамены сразу на степень доктора наук, минуя степень магистра, после чего отправлялись в заграничные университеты. Подготовка в короткий срок сразу к должности профессора была сопряжена с большими физическими и моральными нагрузками. Лекции занимали от 15 до 30 часов в неделю, но ими не исчерпывались учебные нагрузки. Так, во втором семестре 1829 г. «учитель еврейского

языка, г. Блюменберг по просьбе и желанию воспитанников Шкляревского и Михаила Куторги обучал их в течение всего прошедшего полугодия по два часа в неделю еврейскому языку»²⁵. Есть сведения о том, что «Крузе каждый вечер занимался с Куторгой историей; Дабелов один раз в неделю преподавал Калмыкову римское право; Бартельс по несколько часов в неделю изъяснял приложение геометрии и механики к физической астрономии»²⁶.

Вся жизнь стипендиатов была подчинена поставленной перед ними цели, что подчас было сопряжено с мелочной регламентацией отдельных ее моментов. Один из параграфов Инструкции директору Профессорского института, например, предписывал: «В обращении с другими студентами Дерптского университета они (стипендиаты. — *Т. К.*) должны изъяснять учтивость и доброжелательность... впрочем не заводя ни с кем тесных связей, ни многочисленных знакомств, которые могли бы отвлекать их от трудов»²⁷.

Такие нагрузки и моральный прессинг было сложно переносить физически. Это понимали в министерстве еще при проектировании института. От поступающих в Профессорский институт требовались не только «1) беспорочная, надежная нравственность; 2) природные дарования, любовь и прилежание к наукам; 3) достаточные сведения вообще, и особенно в избранной каждой части учения; в том числе для всех и непременно основательное знание латинского языка и словесности латинской, также языков французского и немецкого, а для тех, кои посвящают себя филологии, сверх того и языка греческого; 4) способность правильно и свободно выражать свои мысли и другие нужные в преподавателе качества», но и 5) «надежное состояние здоровья»²⁸.

Из всех перечисленных условий меньше всего представляется возможным оценить «природные дарования» отобранных воспитанников. Предполагалось, что раз все они прошли многократные экзамены при поступлении, то обладают дарованиями и необходимой подготовкой. Абсолютное большинство воспитанников, как показала их дальнейшая научная деятельность, действительно обладали названными качествами. Но в сложный период обучения в Профессорском институте некоторые из воспитанников сталкивались с проблемами при усвоении программы учебы или написании в срок диссертации. Изучив переписку воспитанников и их наставников с министрами народного просвещения (К. А. Ливеном и С. С. Уваровым), можно предположить, что подобные трудности описывались категориями физического и нравственного самочувствия и нездоровья. Так, обеспокоенный редким хождением на лекции Г. Лапшина Уваров в письме к попечителю Дерптского учебного округа от 11 сентября 1835 г. просил уведомить его

о профессоранте: «Способен ли он продлить дальнейшее свое образование в Институте и не препятствует ли болезнь, которой он подвержен, к достижению предназначенной службы?»²⁹ Поводом к обращению стало донесение о состоянии Профессорского института за 1 семестр 1835 г., в котором указывалось: «Кандидат Лапшин страдал сильною возвращавшеюся головою болью, которая и поныне совершенно еще не прекратилась, в семействе его кажется наследственной и до сих пор препятствовала ему подвергнуться семестральному экзамену»³⁰. При дальнейшем выяснении обстоятельств оказалось, что «обезпокоивают и служат главной причиною болезни его полученные им неоднократно неприятные известия из дома родителей своих, которые сверх печали разного рода соболезнают при престарелости лет об отсутствии двух взрослых сыновей»³¹. Наконец, 3 октября 1835 г. с письмом к Уварову обратился старший брат Г. Лапшина, воспитанник первого набора Профессорского института В. Лапшин, который писал: «Я и брат мой, находящийся теперь в Профессорском институте — единственные опоры большого семейства, терпящего горькую нужду: на нас, и преимущественно на мне лежала обязанность облегчить участь родителей. Назначение меня преподавателем в Харьковский Университет рушило все надежды родителей, долго ждавших возвращения моего в дом свой, и повергло их в отчаяние и болезнь. <...> Его Сиятельство Господин Попечитель Санкт-Петербургскаго учебного округа, зная брата моего, как одного из лучших Студентов здешняго Университета, изъявили свою готовность дать ему место старшего учителя в одной из здешних Гимназий»³². 30 ноября 1835 года Г. Лапшин был отчислен из Профессорского института с назначением учителем латинского языка в младшем классе 1-й Петербургской гимназии.

Аналогичная риторика сопровождала отчисление из списков воспитанников Фортунатова, который так и не отправился в Дерпт. Причиной задержки была названа «возобновившаяся сильная боль в груди», в конце октября 1833 г. он, «принимая в соображение как слабое здоровье, так равно и бедственное положение семейства», был определен на открывшуюся вакансию учителя Вологодской гимназии, выпускником которой был³³. В то же время нельзя преуменьшать нагрузки на здоровье воспитанников в Дерпте, связанные как с переменой климата, так и с учебными занятиями. Несмотря на наблюдение за ними врачей — профессоров Замена и Эрдмана, некоторые стипендиаты (Котельников, Ивановский) переносили их тяжело. Также почти постоянно стал болеть в Дерпте Шкляревский.

Информация о болезнях стипендиатов не полностью и не всегда доходила до высшего начальства, вкладывавшего в подготовку каждого

стипендиата значительные средства. Директор Профессорского института В. М. Перевошиков долго размышлял, стоит или не стоит доносить попечителю Дерптского учебного округа барону М. И. Палену об очередных болезнях воспитанников. В черновиках отчета за 2 семестр 1829 г. сохранилась его правка. Он сначала писал: «Шкляревский, также страдающий грудью, желает, чтобы пребывание его в Дерпте продолжено было на год, сверх назначенного срока. О сем его желании мы долгом поставили сделать особенное представление Вашему Высокопревосходительству»³⁴. И тут же Перевошиков перечеркивал эту фразу, а ниже добавлял: «Замен пользовал слабым здоровьем и имеющих припадки воспитанников Котельникова, Ивановского и Шкляревского», а после еще раз правил, и в сухом остатке получилось: «Замен пользовал Котельникова, Ивановского»³⁵.

Шкляревский умер 10 июня 1830 г. В 1831 г., уже посмертно, в Санкт-Петербурге была издана книга «Стихотворения Павла Шкляревского»³⁶. В ней были опубликованы стихотворения, преимущественно переводы, написанные с 1823 по 1830 г. Михаил Кутогра, связанный со Шкляревским тесными узами дружбы³⁷, в предисловии к книге рассказал, что Шкляревский в Дерпте «с величайшим рвением старался о приобретении новых познаний; но это самое стремление и было причиною его смерти. От чрезмерного напряжения он получил чахотку»³⁸.

Другим фактором, делавшим подготовку стипендиатов менее предсказуемой, было изменение направления занятий. Так, Калмыков, отправленный в Дерпт для занятий классической филологией, под влиянием выдающихся ученых в области истории права — И. Г. Эверса и А. М. Рейца — решил стать юристом. В 1830 г. он вместе с П. Г. Редкиным присоединился к группе студентов из числа рекомендованных духовными академиями, которые были отобраны под руководством М. М. Сперанского и отправлены в Берлинский университет слушать лекции под руководством Ф. К. фон Савиньи.

Все эти факторы, за исключением трагической смерти Шкляревского, не помешали воспитанникам, прошедшим полный курс обучения в Дерпте, достичь значительных успехов в науках. С. Кутогра смог защитить диссертацию на степень доктора уже в конце 1832 г. Примерно в эти же сроки (конец 1832 — начало 1833 г.) М. Кутогра, В. Лапшин и Чивилев получили ученые степени магистров философии. После возвращения из-за границы все они в 1838–1839 гг. защитили диссертации и получили степень доктора наук. Калмыков был назначен доктором наук в 1835 г. без представления диссертации, по экзамену и защите тезисов. Все пятеро воспитанников заняли со временем кафедры в русских университетах: братья Куторги и Калмыков — в Петербургском,

Чивилев — в Московском, Лапшин 28 лет преподавал в Харьковском университете, после чего был переведен в Новороссийский.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. На результаты деятельности Профессорского института (численность его выпускников и качество их подготовки) определенное влияние оказали личные качества и обстоятельства жизни воспитанников. Условия, поставленные при наборе профессорантов, не были выдержаны, в первую очередь, из-за незначительной численности групп студентов-выпускников, а также получивших ученые степени кандидатов и магистров. Чем меньше была группа, из которой выбирали, тем более ненадежными оказывались результаты отбора. Это видно на примере второго набора воспитанников из Санкт-Петербургского университета, когда выбирать пришлось, фактически, менее чем из десяти выпускников, отобрано было всего два, и ни один из них не завершил курс обучения. Несмотря на строгие критерии отбора и проявленный индивидуальный подход к обучающимся в Дерпте, медицинский уход и постоянный мониторинг физического и психологического самочувствия, ускоренная подготовка к профессорскому званию заставляла воспитанников института работать на пределе своих возможностей; не все воспитанники справлялись с такими нагрузками. Вместе с тем, в случае, когда семейные обстоятельства и здоровье воспитанников позволили им завершить образование, они в самые короткие сроки защитили диссертации и заняли кафедры в университетах.

¹ Об избрании студентов из Университетов Московского, С.-Петербургского, Казанского и Харьковского для приготовления в Профессоры // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Т. 2: 1825–1855. СПб., 1875. Ч. 1. Стб. 109.

² *Багалей Д. И.* Опыт исследования истории Харьковского университета: (По неизданным материалам). Харьков, 1904. Т. 2. С. 667–672.

³ *Рождественский С. В.* «Первоначальное образование» С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба. Пг., 1919. С. 95–96.

⁴ *Григорьев В. В.* Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. Пар. 1. С. 85–87; Пар. 2. С. 27–30.

⁵ *Шевырев С. П.* История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. Репринтное издание. М., 1998. С. 477.

⁶ См., например: *Окунь С. Б.* Основание Санкт-Петербургского университета и начальный период его деятельности // История Ленинградского университета: Очерки. Л., 1969. С. 41.

⁷ *Тамул В. Э.* Профессорский институт и международные научные связи Тартуского университета в первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист.

наук. Тарту, 1988; Профессорский институт // История Тартуского университета. 1632–1982 / Под ред. К. Сийливаска. Таллин, 1983. С. 82–83 (В соавторстве с К. Мартинсоном); *Tamul V. Das professoreninstitut und der Anteil der Universität Dorpat/Tartu an den russisch-deutschen Wissenschaftskontakten im ersten Drittel des 19. Jahrhunderts // Zeitschrift für Ostforschung. 41. 1992. 4. S. 539* (Приношу искреннюю благодарность Эрки Тармиксаару за организацию доступа к статье); и др.

⁸ См., например: *Якушев А. Н.* Нормативно-правовое регулирование производства в ученые степени в России (1724–1918 гг.): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011.

⁹ См., например: *Мирский М. Б.* Как готовили профессоров медицины: К 180-летию Профессорского института в Дерпте // Медицинский вестник. 2008. 22 декабря. № 41–42. С. 23.

¹⁰ См.: *Бородулин В., Тополянский В.* Лишний человек: Доктор В. И. Сокольский в Москве середины XIX века // Россия XXI. 2007. № 2. С. 155–156 и др.

¹¹ *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России: В 4 т. М., 2003. Т. 4. Ч. 1. С. 23–39.

¹² *Тамул В. Э.* Профессорский институт... С. 15.

¹³ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Ч. 1. Стб. 95–101.

¹⁴ Материалы по истории С.-Петербургского университета / Под ред. С. В. Рождественского. Т. 1: 1819–1835. Пг., 1919. С. 465–476.

¹⁵ Там же. С. 480–481.

¹⁶ Там же. С. 477.

¹⁷ Об избрании студентов... Стб. 108.

¹⁸ Братья В. И. и Г. И. Лапшины, например, были сыновьями бедного, много-семейного обывателя Петербурга, бронзового мастера (старообрядца); П. Шкляревский происходил из Полтавской губернии, с 11 лет воспитывался в Петербурге у дяди.

¹⁹ Министр народного просвещения А. С. Шишков, предписывая выбрать кандидатов в Профессорский институт от Казанского университета, в своем письме к попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину предупредил: «Ежели, чего, впрочем, неожиданно, которые студенты по испытанию здесь в Петербурге окажутся неспособными, таковые будут отправлены обратно в Казань на Ваш счет и на счет университетского совета» (НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2226. Л. 2 об.). Когда трое из присланных университетом кандидатов (Кондаков, Ламухин и Покровский) по результатам экзаменов были признаны «ненадежными», сменивший Шишкова на посту министра князь К. А. Ливен предписал взыскать 1649 руб. 56 коп. и указал, «что взыскание сие должно упасть единственно на членов совета, кои одобрили студентов, поелику испытание предоставляется собственно гг. Профессорам» (Там же. Л. 38 об.).

²⁰ По-видимому, по причине малочисленности партии и незначительности результатов воспитанников второго набора, по сравнению с первым, в историографии к ним предпочитали прибавлять стипендиатов Министерства народного

просвещения, отправленных напрямую за границу, в том числе подготовленных при участии М. М. Сперанского юристов (См., например.: *Рождественский С. В.* «Первоначальное образование» С.-Петербургского университета... С. 96).

²¹ О продолжении Профессорского института // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Ч. 1. Стб. 543.

²² РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 674. Л. 17 об.

²³ Там же. Л. 18

²⁴ Писавший после под псевдонимом Вологжанин.

²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 674. Л. 17 об. — Перевошиков планировал просить места на государственной службе для учителя Блюмберга, но передумал и перечеркнул рекомендацию вместе с информацией о занятиях стипендиатов еврейским языком.

²⁶ Там же. Л. 30 об.

²⁷ Инструкция Директору Профессорского Института // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1: 1802–1834. СПб., 1866. Стб. 665.

²⁸ Об избрании студентов... Стб. 110.

²⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 688. Л. 10.

³⁰ Там же. Л. 2 об.

³¹ Там же. Л. 18 об. – 19.

³² Там же. Л. 11 об. – 12.

³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 674. Л. 124, 131 об.

³⁴ ЕАА. Ф. 402. Оп. 4. Д. 526. С. 30–30 об.

³⁵ Там же. Л. 30 об.

³⁶ Стихотворения Павла Шкляревского. СПб., 1831.

³⁷ В стихотворении Шкляревского «Элегия», посвященном М. С. К<уторг>е, есть следующие строки: «И я угрюм, я мрачен, сир; / И грудь изныла, охладела, / Мечты от сердца далеки, / И мраз по жилам пробегает... / И только душу согревает / Пожагье дружеской руки» (Там же. С. 17). В другом стихотворении «Стансы», также написанном уже в дни тяжелой болезни и посвященном Куторге, Шкляревский называет его «милым другом».

³⁸ Там же. С. XII–XIII.